

Чем крупнее художник, чем масштабнее его творчество, тем труднее современникам полностью оценить его вклад в духовную жизнь нации. «Большое видится на расстоянье», — писал Сергей Есенин, сознавая драматизм своего мироощущения, и напряжённые поиски истины, ошибки и слабости; но всегда поэт был верен себе в главном — в стремлении постичь сложную судьбу своего народа.

Я рада представить к публикации в «Аргамак» поэму «Есенин — тайна русского народа», автором которой является Геннадий Морозов. Вспомним слова Фёдора Достоевского на открытии памятника Пушкину в Москве о том, что «Пушкин... вместе с собой унёс тайну, которую мы призваны разгадывать всю жизнь». Пушкин, Есенин... У каждого из них непростая литературная судьба. Вокруг них осталось много недосказанного,

либо тенденциозного, что было связано с личными симпатиями или антипатиями биографов-современников, литературных критиков. Литературный критик 20-х годов прошлого века А. К. Воронский писал о Есенине: «Дело будущего — изменить и дорисовать ...образ поэта». Он же выступил в 1927 году в письме М. Горькому против понятия «есенинщина», утверждая в своих статьях, что «вопрос о Есенине разрешит время».

Слово «тайна» имеет несколько оттенков значений: во-первых, — это то, что недоступно, неизвестно, неразгаданно, а во-вторых, — это то, что скрывается от других, что не известно всем, секрет, который, возможно, известен немногим. Мне кажется, что Геннадий Морозов принадлежит к немногим авторам, которым приоткрылась тайна судьбы и поэзии Сергея Есенина. Для того, чтобы разгадать эту «тайну», поэт размышляет над судьбой Есенина с позиции нашего современника, и на основе своих внутренних переживаний говорит о чудесном, волшебном, магическом воздействии на свою душу его поэзии.

*Твой стих небесным светом серебрится,
Слепцам духовным указуя путь.
Он в души наши грешные стучится,
Пытаясь их, как двери, распахнуть.*

Чтобы создать подлинную поэтическую картину мира автору нужно образно смоделировать этот мир и погрузить в него, сознание и психику читателя. А для этого необходимо владеть особой «правдой», о которой пишет Есенин в стихотворении «Есть светлая радость под сенью кустов...»:

*В обсыпанных рощах, на сжатых полях
Грустит наша дума об отрочьих днях.
За отчею сказкой, за звоном стропил
Несёт её шорох неведомых крыл...
Но крепко в равнинах ковыльных лугов
Покоится правда родительских снов.
(1917 г.)*

«Правда родительских снов» связана в поэзии Сергея Есенина с тайной, о которой всегда «сладко сказывать» «отроку резвому с медью волос». Она покоится «в равнинах ковыльных лугов» до тех пор, пока не появится человек, в сердце которого откликнется есенинское слово. В «Исповедании сердечном» Геннадий Морозов признаётся, что строка Есенина «О, Русь-малиновое поле и синь, упавшая в реку!..» — откликнулась в его душе уже в юности и, услышав её, он «плакал не от горя и скорби...от красоты», оттого, что многие стихи поэта, «прочитанные вперевод, да притом впервые... как бы распахнули» перед ним «створки своих духовных врат в зовущее и мерцающее неоглядь России».

Будучи рождённым на рязанской земле, Геннадий Морозов глубоко чувствует и отражает в своей лирике и гармонию природы, окружающей поэта в «стране берёзового ситца», и есенинские смятённые состояния — всю сложную структуру таланта поэта. Крутые речные берега, окские откосы, жёлтые поблекшие луга, тёмные размытые дороги, шумящая листва в холодной мгле, береста трепещущих берёз, прижавшиеся к выстывшей земле сиротливые избы — в этом «тайна родительских снов», которую открывает для себя в стихах о касимовских далях Геннадий Морозов, создавая для читателя поэтический ассоциативный ряд, очень близкий художественному

миру Сергея Есенина. Стихи Геннадия Морозова возникают из душевной глубины и воспевают минуты человеческого счастья «у родника, реки, струи, волны», и, кажется, сливаются с ними одной судьбой. Мотивы благоговения, преклонения перед матерью-природой, как и в поэзии Сергея Есенина, ему близки и понятны, потому что в сердце живёт зов земли. Природа для него — родник нравственного очищения, спасение от одиночества:

*Нет, я в ночи не одинок —
Я с небом!.. Небо видит,
Как звёздный движется поток.*

Природа помогает понять истоки душевной глубины, смутные и радостные порывы души, потому что в них можно различить «какой-то звук неизречённый».

Полноценное художественное произведение создаётся знанием жизни: художник должен пережить, увидеть, почувствовать. Реалистический образ всегда индивидуален по своей природе, и, вместе с тем, он заключает в себе глубокое познание смысла жизни и её сущности. Геннадий Морозов наполнен с самой юности размышлениями над воистину нетленным стихом Есенина, в котором присутствует «русская пленительная краса», мыслями о великой роли есенинского слова в его душе — душе поэта:

*Он мне помог душою просветлиться.
Позвал туда, где поле, речка, луг,
Чтоб отдохнуть от суетной столицы
И от тебя, промозглый Петербург.*

Геннадий Морозов хорошо знаком с творческой биографией своего легендарного земляка, с его окружением, поэтому в каждой строке чувствуется биение сердца самого автора: он пишет о Есенине искренне, взволнованно, исповедально. В предисловии к поэме «Есенин и Блок», которая была написана вчерне в 1983 году и над которой он продолжал работать ещё не один год, он рассказывает, как подспудно вызревала есенинская тема в его творчестве: он встречался с теми, кто лично знал Есенина; ему удалось побеседовать с поэтами, прозаиками, литературоведами; он принимал участие неоднократно в Есенинском празднике поэзии в селе Константиново. А в 2014 году Есенинский комитет отметил его вручением диплома на звание лауреата Всероссийского поэтического конкурса имени Сергея Есенина, признав победителем. Его лирические размышления о Сергее Есенине очень глубоки, основаны на перекличке художественных миров, они не скользят по поверхности, а открывают нам тайные ходы и неведомые глубины, опираясь на «правду родительских снов», на связь с национальными корнями русской души.

Композиционно поэма построена мастерски, под обаяние её интонации попадаешь сразу, с первых строк:

*Сколько светлых, нежных песен
Родине пропел!
Чернотропом, чернолесьем
Свой искал удел.*

*Рубцевал себя по коже,
Буйствовал, кутил...*

*Тридцать лет... А как их прожил!
Сколько пережил!*

В этом «Запеве» Геннадий Морозов заключает мысль об уникальности личности поэта и трагичности его поэтической судьбы. Литературный критик Р. В. Иванов-Разумник эту мысль выразил в словах о том, что Сергея Есенина, вместе с Николаем Клюевым, Сергеем Клычковым, Павлом Васильевым, Борисом Корниловым, Петром Орешиним, Алексеем Ганиным, можно занести «в синодик писателей, погибших в гнетущей атмосфере советского рая». Геннадий Морозов пишет о трагедии Есенина очень образно:

*Был он весь, как ливень лета,
Мечен маятой,
Как все русские поэты
На Руси святой.*

«Мечен маятой» — значит, что трагическое восприятие жизни, личная неустроенность сопутствовали «рязанскому Лелю» с ранних лет. Именно так считает его земляк Геннадий Морозов.

Со страниц есенинского цикла предстаёт перед нами то беспокойное время, когда пошатнулось в России всё бытие, и русская история приобрела черты трагедии. Автор как будто прокручивает перед нами киноленту, останавливая для глубокого просмотра самые главные кадры из жизни поэта; он делает для читателя свой «монтаж» имён, лиц, поступков, характеров, тщательно вырисовывая при помощи отдельных деталей и образ поэта, и лирического героя, и стиль времени, с его нравственным и эстетическим глазомером, заостряя внимание на собственном восприятии судьбы и художественного мира Сергея Есенина. Во второй главе доминирует разговорная лексика, которая подчёркивает напряжённость слуха лирического героя, тонко улавливающего резкие и категоричные оценки взаимоотношений Есенина и Айседоры Дункан:

*И страсть, и любовная мука —
Всё кубарем! Бешен, как псих!
Ругает «паршивую сукой».
И пишет...Божественный стих.*

Возможно, современный читатель споткнётся на некоторых словах автора и подумает: «Всё-таки — грубовато: „умыкнёт“, „паршивая сука“, „ласкают женщины-простушки“, „чокнутый“, „наматывают срок“, „психушка“, „очен-но похож“, „пулю всадит, нож...“». Но именно эта лексика, не укладывающаяся в прокрустово ложе высокопарного стиля, акцентирующая своё внимание не на гармонии мира («сыплет черёмуха снегом», «только синь сосёт глаза», «слушать песни дождей и черёмух»), а на диссонансе души поэта, который испытывает чувство неуютности в новом для него, городском мире, помогает читателю многое пережить вместе с автором, переболеть увиденным и озарить своё сердце любовью к поэту. Свойство поэтического слова Геннадия Морозова — создавать видимые чувственные образы, наделяя простые слова, взятые из кладезя народной мудрости, энергией поэзии и светом своей души, своей болью:

*Хрипя, топтали сапогами.
И унижали: «Падла, скот!*

*Вот и споткнулся ты о камень,
Поэт! До свадьбы заживёт!»*

Творческий почерк Геннадия Морозова — лиризм, с весёлым рязанским говором и темпераментом, с тягой к ясному поэтическому выражению и образу. Есенинский мир ему понятен и близок настолько, что он строит его монологи на основе личных, глубоко индивидуальных переживаний, настроений, раздумий поэта; за ними — жизненный опыт, доверительный диалог с современниками. Монологи Есенина наполнены сложными чувствами: в них радость и боль, нежность и обида, чувство страха, ощущение разлада с самим собой, и грустная улыбка. Чтобы всё это передать, Геннадий Морозов в каждом из стихотворений использует неповторимую интонационную форму; некоторые из них напоминают случайно вырванную страницу из романа, не имеющую ни начала, ни конца и заставляющую читателя многое додумывать самому:

*Цепенели мысли, чувства
Сам себя корил:
«Не от смертных ли предчувствий
Я так много пил?!»*

Интересно, что на протяжении всего стихотворного цикла Геннадий Морозов обращается к Сергею Есенину, как к своему лирическому адресату, который помогает глубже осмыслить под его взглядом и собственную судьбу. Особенно ярко отражает это сквозная антитеза, основанная на противопоставлении рязанских просторов «промозглому Петербургу», который навсегда омрачён «кровавой тайной „Англетера“». Автор постоянно использует приём внутреннего монолога, что усиливает психологизм текста:

*Что впереди? Аресты, ссылки?
А сам я где найду приют?
Опорожнённые бутылки
За мной, как призраки, бредут.*

С каждой новой строкой нарастает, как в «Реквиеме» Моцарта, мотив, связанный с появлением Чёрного человека, пребыванием Есенина в болезненном состоянии, когда «цепенели мысли и чувства», когда «уют больничный» становится для поэта «тюрьмой»:

*В поздний час ночного спора
Некий имярек,
Ляпнет: «В недрах коридора
Чёрный человек!»*

.....
*Нервный! Наголо острижен,
Вкрадчив каждый шаг.
Дышит он или не дышит?
Зомби или Маг?*

Геннадий Морозов подходит к образу Чёрного человека очень тонко и своеобразно: не как к бреду больного, галлюцинации, а как к Знакомому Незнакомцу, прототипу Чёрного человека, кто мог быть его жизненным двойником. Тем самым он усили-

вает мироощущения читателя, психологизм всего текста. Вот, например, «властелин теней», обитатель «Англетера», который не может простить Есенину приверженности к миру крестьянства. Для него ещё при жизни Есенин стал «виденьем, муляжом в гробу, с потемневшим углубленьем, с яминкой во лбу». Это собирательный образ гротескного типа, в котором мы видим недоброжелателя поэта. Он нарисован ярко, убедительно, с особой тональностью, звуковой и словесной инструментовкой, которые необычайно сильно воздействуют на читателя, вызывая в его душе напряжение, тревогу и боль, потому что над ним угрожающе нависла «кровавая тень „Англетера“». Для усиления мотива трагического одиночества поэта Геннадий Морозов использует очень яркий, развёрнутый образ — образ Петербурга, над которым „висит трагическая тень“, как тайна „Англетера“. Усиливающаяся гиперболизация, с оттенками юмора, сатиры и даже гротеска, создаёт образ того самого „проmozглого“ Петербурга, который своей „кровавой мечтой“ вошёл не только в судьбу поэта Сергея Есенина, но и в его художественный мир:

*И сбежал любимчик славы
В мрачный град Петров.
Знал бы он, каким кровавым
Будет этот зов!
Вскрикнешь, страхами объятый:
«Боже, сохрани!
«Англетера» номер пятый
Вроде западни!»*

Стихи, в которых появляется «тень Англетера», написаны автором мастерски, подчёркнуто нервной, возбуждённой строкой. Разговорные интонации усиливают напряжённость повествования:

*Сгинь! Истлей, как тень изгоя,
Накликатель бед!
Чем он так беспокоен,
Твой двойник, поэт?*

Но Петербург являет и самому автору лик Есенина «среди уймаща книг». Он обращается к нему с вопросом, важным для поэта в любую эпоху:

*Как можно так петь — и не лгать!
И гибель свою предсказать,
Клоня золотистую прядь
Над мертвенным полем бумаги?*

Автор с болью размышляет над горькой участью русского поэта — «жечь судьбы мосты», и строки его стихов очень тонко и точно перекликаются с письмами Есенина к Иванову-Разумнику (например, 6 марта 1922 года): «В Москве себя я чувствую отворачивательно... Поэзия там наравне с вином и блинами расценивается... Устал я от всего этого дьявольски! Хочется куда-нибудь уехать, да и уехать некуда... Живу я как-то побивуачному, без приюта и без пристанища...» Есенин в этом письме пишет, что беспокоят его «разные бездельники», которым «приятно выпить» с ним, что ему «прожигать себя стало совестно и жалко», что внутри него «назрела снова большая вещь».

Автор очень тонко передаёт в шестой части есенинского цикла смятение чувств поэта оттого, что постоянно сталкиваются между собой в непримиримом противоречии житейская правда и духовный зов Есенина:

*Разбавляя водкой слёзы,
Пил, тоску круша...
О наветы и доносы
Ранилась душа.*

*Где тот жар духовной жажды,
Где мечтанья... «в дым»?
Ужаснулся он однажды...
Да, следят за ним.*

В есенинской теме есть всегда какая-то болезненная тайна, связанная с его трагической судьбой, и по-прежнему не утихают споры о возможном убийстве или самоубийстве поэта. Об этом немало сейчас написано книг, статей, есть и научные исследования, но ход поэтических размышлений Геннадия Морозова очень близок автору книги «Роковая зацепка за жизнь, или В поисках утраченного Неба» Геннадию Красникову, который пишет: «На последние снимки поэта смотреть тяжело: все ангельское, прежнее, чистое, выжжено в нём, испепелено. Видна самоиспепеленность. И так ли важно теперь знать, был ли убит поэт, или произошло самоубийство?... Отвратительно другое: что вот Есенина не стало, а Чёрный человек остался — с лицом ли профессионального палача Блюмкина или с рожей карамзовского чёрта. И он ждёт у каждой двери, где ещё жива русская душа. Может быть, даже в эту минуту он — рядом с вами. Он не успокоится, пока стоит Россия, если она не изживёт его в себе самой». Для автора поэмы важна эта правда, потому что прошла через его судьбу откликом на «золотое свечение» поэтического слова Есенина, которое открывает духовные просторы каждой русской душе, а поэту помогает осмыслить собственную жизнь, своё место в современной поэзии. И это главная тайна, которую несёт нам Сергей Есенин, чей «стих воистину нетленен», потому что «в нём русская пленительна краса». Огромную роль в стихотворном цикле играют стихи, которые можно считать лирическими монологами Геннадия Морозова, те самые, которые помогают глубже раскрыть мотив «золотого свечения» есенинского слова:

*Земля рязанская...ромашковые дали...
Озёр зазеленевший окоём...
Желанной нежностью моё вы сердце сжали,
Как стих есенинский,
когда мы с ним вдвоём.*

Заключительная глава поэмы называет главные постулаты есенинской «тайны» для русской души. Имя Есенина включает в себе нашу первородную природу, национальную стихию и вечное стремление к духовной свободе:

*Есенин — тайна русского народа...
Он здесь, в России, с нами навсегда,
Как наша первородная природа,*

*Как жданная духовная свобода...
Естественен, как воздух и вода.*

Поэма «Есенин — тайна русского народа» несомненно является творческой удачей поэта Геннадия Морозова. Он затронул животрепещущие вопросы русской литературы: о свободе творчества, о сложности пути человека — творца, судьба которого несёт до сих пор в себе отражение глубокой тайны, недосказанности и огромной смысловой глубины. Описание одного жизненного мгновения Сергея Есенина вызывает у читателя широкую цепь ассоциаций и рассчитано на встречную активность, т.к. любое из рождённых впечатлений не исчерпывает потенциальной смысловой глубины текста.

Автор очень тонко чувствует и передаёт стихию времени, природы, народной жизни, слитыми со стихией судьбы поэта. Органическое ощущение такой слитности передаётся свободно, правдиво: то с юмором, то с болью, то в грустном лирическом раздумье о Есенине, как сыне России, как о своём земляке, певце рязанских просторов:

*Тот стих бунтарский — грозная стихия!
Дивлюсь его бездонной глубине.
И чтоб добить в России злого Змия —
Скорей скачи на розовом коне!*

Свобода ритмики и стиля и, вместе с тем, чувство художественной меры, без всякого стремления к эффектам поэтической строки, простые разговорные интонации, богатство лексики, воображаемые диалоги с поэтом и его монологи, стремление сделать Есенина своим лирическим адресатом — всё это свидетельствует об умении автора находить для глубокого содержания соответствующую художественную форму: его мысль пробирается через многоголосье толпы, наветы, доносы, сплетни обывателей и врагов Есенина, монологи Есенина и собственные лирические размышления о судьбе поэта, о значимости его творчества, о его бессмертии, как любимого сына России. Психологизм отдельных строк, связанный с фантастическими видениями, раздвоением личности и появлением Чёрного человека, гиперболически-гротескный образ «Англетера», «жаждущего жертвы», — всё это раскалённые, опалющие угли души автора, которые заключены в энергии стиха и подчёркивают яркий лингвистический темперамент поэта, придавая поэме о Сергее Есенине философскую глубину и публицистичность.

Поэт Геннадий Морозов, назвав Есенина «тайной русского народа», создал поэтическую мозаику, в которой просматривается не только образ времени, но и собственный портрет, и открыл нам тайны собственных кладовых, где пребывала до этого скрытая музыка его поэтического слова, а теперь она подарена нам.

